

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2009 г. В.М. АЛПАТОВ

РОЗАЛИЯ ОСИПОВНА ШОР

В статье рассматриваются жизнь, деятельность, научные концепции известного российского лингвиста 20–30-х годов Розалии Осиповны Шор.

Имя Розалии Осиповны Шор (1894–1939) сейчас вспоминают редко, на ее труды ссылаются немногие. Но при жизни она занимала очень заметное место в советской науке о языке, много и активно печаталась и выступала, ее публикации затрагивали самые различные области языкознания, а в двух из них – социологии языка и истории лингвистики – она, бесспорно, занимала ведущее место. Она много преподавала и имела немало учеников. И еще одно обстоятельство стоит отметить. Сейчас, когда среди студентов лингвистических специальностей значительно преобладают девушки, а в числе видных лингвистов процент женщин достаточно велик, уже трудно себе представить, что менее столетия назад языкознание, как и другие науки, было чисто мужским делом. И первой женщиной в отечественной лингвистике (исключая разве что область методики преподавания языков, где несколько раньше ее начали работать К.А. Ганшина и др.) стала именно Розалия Осиповна.

Литература о Р.О. Шор невелика, следует отметить недавно изданные воспоминания ее дочери [Шор 2006], мало касающиеся ее как ученого, но содержащие много информации о ее биографии и личности.

Розалия Осиповна Шор родилась 12/24 июня 1894 г. в Ковно (ныне Каунас), но когда ей было шесть недель, семья переселилась в Москву, где Р.О. Шор прожила всю свою недолгую жизнь. Семья была интеллигентной: отец – врач и ученый-бактериолог, мать – зубной врач. Окончив гимназию, Розалия поступила на германское отделение историко-филологического факультета Высших женских курсов, преобразованных после революции во Второй МГУ. Его она окончила в 1919 г., затем она еще год занималась на лингвистическом отделении историко-филологического факультета Первого МГУ у Д.Н. Ушакова и М.Н. Петерсона.

Интерес к научной деятельности, несомненно, был у Р.О. Шор уже в студенческие годы, но, как пишет ее дочь, «не знаю, сколько и как бы мама работала, если бы не революция. Революция, безусловно, открыла ей дорогу в науке, устранив на первых порах дискриминацию женщин и евреев, но за это она потребовала подчинения себе» [Шор 2006: 212].

Однако в 20-е гг. женщин в лингвистической среде было совсем мало, и Шор резко выделялась. Так, она была единственной женщиной в постоянном составе Московского лингвистического общества, существовавшего в 1918–1923 гг. и объединявшего московских лингвистов, принадлежавших к школе, восходившей к Ф.Ф. Фортунатову. Как

указывал впоследствии М.Н. Петерсон, Р.О. Шор, присоединившаяся к обществу еще студенткой, заведовала общественной библиотекой и трижды за пять лет существования общества выступала с докладами [Петерсон 1943]. Одновременно она (как и ряд других лингвистов) входила и в состав другого образования: Московского лингвистического кружка (1915–1924). Там она постоянно участвовала в дискуссиях и не менее трех раз выступала с докладами [Баранкова 1999: 380]. Кроме нее, там зафиксировано эпизодическое участие еще лишь одной женщины – литературоведа Е.Н. Коншиной, сделавшей по одному докладу на одну и ту же тему. А Шор входила в ядро обоих кружков.

Темы докладов Розалии Осиповны достаточно разнообразны. На Московском лингвистическом обществе: «Перфективирующее значение приставки *ge-* в древне- и средневерхненемецком языке», «К вопросу о внутренней форме», «Актуальность и статика в языке (по поводу книги de Saussure'a "Cours de linguistique générale")». На Московском лингвистическом кружке: «Применение психологического эксперимента в лингвистике», «О реконструкции фактов индоевропейского праязыка», «О статье Рихарда Майера "Искусственные языки"». В списке обращают на себя внимание, во-первых, широта и разброс тематики, во-вторых, присутствие тем, которые будут волновать Розалию Осиповну и позже, особенно о Ф. де Соссюре: в 1923 г. его «Курс» в Москве знали еще немногие.

Следует отметить еще один параметр, игравший важнейшую роль именно в то время: возраст. Р.О. Шор принадлежала к поколению Е.Д. Поливанова, Н.Ф. Яковлева, Л.П. Якубинского. Эти яркие и талантливые ученые, тогда совсем молодые, благодаря революции заняли ведущее положение, оттеснив старую профессуру, в большинстве не хотевшую и не умевшую приспособиться к новым ситуациям. Но и это поколение лингвистов еще состояло из мужчин, Шор оказалась в нем единственной женщиной. Характерна ошибка В.Н. Волошинова, не раз ссылавшегося в книге «Марксизм и философия языка» на работу [Шор 1927], но именовавшего ее «очерком Р. Шора» [Волошинов 1929/1995: 264]. Современный бахтинист счел эту ошибку намеренной, «карнавальной» [Пешков 1998: 52]. Но очевидно, что Волошинов, зная фамилию Шор лишь по публикациям, просто не мог себе представить женщину в качестве автора солидной научной статьи.

Но Шор была женщиной, и в 1926 г., за год до публикации упомянутой Волошиновым статьи, родила дочь. П.С. Кузнецов, учившийся у Розалии Осиповны санскриту как раз тогда, когда у нее был грудной ребенок, вспоминал: «когда родилась Женя Шор..., кто-то несведущий спросил: "А кто же отец?". Р.О. [Шор] ответила: "Знаете, в нашем племени вообще принято непорочное зачатие"» [Кузнецов 2003: 177]. Евгения Николаевна пишет, что так никогда и не узнала, кто был ее отцом.

В чем-то положение единственной женщины среди мужчин могло быть и выигрышным: дочь отмечает среди качеств матери умение «сочетать женственность с ученостью» и вспоминает слова одного из ее коллег: «Розалия Осиповна была обаятельная женщина» [Шор 2006: 249]; ср. оценку П.С. Кузнецова: «Р.О. [Шор] вообще была женщина остроумная» [Кузнецов 2003: 177]. Кузнецов отмечает и то, что еще до знакомства с ней «слышал о ней много интересного и отчасти анекдотического» [Там же: 177], что свидетельствует о ее популярности. И карьера ее была успешной.

Основные вехи служебной деятельности Р.О. Шор восстанавливаются из составленного ею незадолго до смерти (в 1937 или 1938 г.) «Краткого жизнеописания», опубликованного дочерью [Шор 2006: 219–220] (приводим с сокращениями). «Оставлена при I МГУ по кафедре сравнительного языкознания. Назначена научным сотрудником I разряда Лингвистической секции Института языка и литературы РАНИОН... в 1922 г. Избрана секретарем лингвистической секции в 1925–26 гг. ... Назначена научным сотрудником Гос. академии художественных наук (ГАХН) в 1924 г. ... Назначена научным сотрудником I разряда Института народов Востока (позднее – Институт национальностей, ныне Институт яз[ыка] и письм[енности]) в 1926 г. ... Утверждена действительным членом Института языка и литературы и народов Востока в 1929 г. Выдвинута в действительные члены ГАХН (ГАИС) при его реорганизации и слиянии с РАНИОН в

1929–1930 гг. После выделения из ГАИС н.-и. института языкознания (1931 г.) назначена его действительным членом, которым оставалась до закрытия НИЯЗа в 1933 г. Профессор АЗГУ [Азербайджанский университет. – В.А.] по кафедре общего языковедения в 1928/29 и в 1929/30 г. Зав. кафедрой языка в Институте повышения квалификации педагогов с 1929/30 г. по 1933/34 гг. При организации Ученого комитета по языку и литературе НКПроса назначена его членом. ... Зав. кафедрой языковедения в МГПИИЯ [ныне МГЛУ. – В.А.] с 1935/36 гг. Профессор ЛИФГИ (ныне филолог. фак. ЛГУ) с 1935/36 ак. г. Назначена профессором ИФИ [то же, что МИФЛИ. – В.А.] с 1934/35 ак. г. Утверждена в звании профессора НКПросом 11/IV 1934 г., утверждена в степени доктора лингвистических (филологических) наук в феврале 1936 г., в 1936/37 и 37/38 гг. работаю в качестве члена экспертной комиссии Комитета по делам высшей школы». А далее еще и список сделанного «по линии общественной работы»: консультирование, участие в научных советах, конференциях, организации выставок, доклады, оборудование кабинетов наглядными пособиями, работа в месткомах и т.д. Многие из этого было связано с постоянными командировками по стране (за границей Шор не была), а в последние годы жизни Розалия Осиповна ежемесячно должна была ездить в Ленинград, где у нее также было много обязанностей. Последний пункт «жизнеописания»: «Была одним из организаторов и участником Московской конференции женщин-ученых». В него не включена «редакторская и литературная работа», поскольку она отражена в «прилагаемом списке работ».

Е.Н. Шор публикует и заявление своей матери в Наркомпрос от 29 июня 1935 г., где она пыталась отказаться от «лестного для меня предложения занять кафедру общего языкознания МОПИИЯ», указывая на десять уже имеющихся нагрузок [Шор 2006: 218–219]. Но из «жизнеописания» следует, что и эту должность ей пришлось взять на себя. Дела бывали самыми неожиданными. «В созданной тогда телефонной справочной по всем вопросам науки мама стала консультантом и с удовольствием, с гордостью какой-то давала [по телефону. – В.А.] объяснения по лингвистике» [Там же: 244].

Как выразился В.В. Маяковский, «нагрузки по макушку». И совершенно фантастическая работоспособность. Ничего здесь не изменило и рождение дочери. Как вспоминает дочь, «мама обычно проводила весь день на работе и возвращалась домой поздно... Тут же она садилась за убраный обеденный стол; она всегда работала за обеденным столом... Казалось естественным, что она работает до двух, трех, четырех часов ночи... Мама работала так круглый год, в выходные дни тоже, она не брала отпуск (кроме последних двух лет), все равно ей нужно было летом писать свое или редактировать чужое» [Там же: 220–221].

Другая черта ее как ученого – огромная эрудиция. Она знала 16 языков (правда, видимо, только индоевропейских). Как свидетельствует П.С. Кузнецов, учившийся в разные учебные годы санскриту у нее и у М.Н. Петерсона, объяснения Петерсона бывали интереснее, но язык Шор знала лучше [Кузнецов 2003: 177]. Это, конечно, было связано с ее великолепной памятью: «До 35–36 лет у нее не было записной книжки, а номеров телефонов ей нужно было помнить очень много» [Шор 2006: 246]. Эрудиция распространялась и на знание лингвистической литературы, особенно зарубежной, в этом у нее в те годы не было равных. Например, когда значительно уступавший ей в этом отношении В.Н. Волошинов имел неосторожность написать, что специальных работ по истории философии языка до сих пор нет, Шор в рецензии перечислила сразу пять солидных трудов, опубликованных за рубежом [Шор 1929: 149].

Такие знания нашли хорошее применение: энциклопедическую деятельность. Ее вклад в первое издание Большой советской энциклопедии (БСЭ) огромен и может быть сопоставлен лишь с деятельностью С.К. Булича в энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Она написала гигантское количество больших и малых статей на самые разные темы: по теории языка, по конкретным языкам, персоналии лингвистов. Лишь в шести томах, с 17-го по 22-й, ей только среди статей, перечисляемых в особых списках крупных статей, принадлежит семь, названия которых впечатляют: Глагол, Гласные звуки, Глоттогенез, Грамматика, Гримм Я. и В., Гумбольдт В. (как лингвист), Диалектология. Отметим

и обширные статьи «Языковедение» и «Язык» (последняя в соавторстве), к которым мы еще вернемся. С 1932 г. до конца жизни Шор была редактором раздела «Языкознание» в энциклопедии (сначала совместно с Н.Я. Марром, а после его смерти единолично). Велик ее вклад и в печатавшуюся в 20–30-е гг. и оставшуюся незаконченной «Литературную энциклопедию», куда включались и статьи по лингвистике.

Еще важнее публикаторская деятельность Шор. В 30-е гг., когда научные связи с заграницей стали уменьшаться, а иностранной науке уделялось все меньше внимания, она добилась организации серии «Языковеды Запада», где под ее редакцией в 1933–1938 гг. вышло пять книг (после смерти Розалии Осиповны серия прекратилась). Первым ее выпуском стало первое русское издание «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра в переводе А.М. Сухотина [Соссюр 1933]. Затем появились книги Э. Сепира [Сепир 1934], Ж. Вандриеса [Вандриес 1937], В. Томсена [Томсен 1938] и А. Мейе [Мейе 1938]. Лишь последняя книга была переизданием, остальные переводились на русский язык впервые. Переводчиком Сепира был тот же А.М. Сухотин, он же переработал старый перевод Мейе, до революции выполненный Д.Н. Кудрявским. Книга Томсена была переведена под редакцией Шор ее студентами. Загадку представляет собой вопрос о переводчике Вандриеса: в издании фамилия заменена тремя звездочками. Так как книга была сдана в печать в конце 1936 г. и вышла в свет в 1937 г., естественно предположить арест этого человека. Рассказывают об устном свидетельстве П.С. Кузнецова, назвавшего в качестве переводчика Михаила Андреевича Солонино (1885–1937), романиста и германиста, привлекавшегося Р.О. Шор и для БСЭ, действительно ставшего жертвой репрессий. Самому П.С. Кузнецову в этом издании принадлежат содержательные комментарии. К сожалению, вступительные статьи к Соссюру (Д.Н. Введенский) и Сепиру (С.Л. Белевицкий) мало удачны.

Сама Розалия Осиповна выступила как автор лишь в двух из пяти книг: к Вандриессу она написала вступительную статью, а книгу Томсена дополнила «Кратким очерком истории лингвистических учений с эпохи Возрождения до конца XIX в.» [Шор 1938], об этих публикациях еще будет сказано ниже. История языкознания Томсена была крайне односторонней: она сводилась почти исключительно к истории сравнительно-исторического языкознания, игнорировались как «донаучное» языкознание ранее начала XIX в., так и В. фон Гумбольдт и другие теоретики языка. Поэтому очерк Шор, восполнявший эти пробелы, был совершенно необходим для формирования картины развития науки.

Но и там, где Шор выступала только как редактор, ее роль была велика. И важно, что для перевода она отбирала самое существенное. Русский перевод «Курса» Соссюра был совершенно необходим. А для Сепира, на книгу которого 1921 г. она ссылалась еще в своей книге 1926 г., она стала первооткрывателем в СССР.

Количество публикаций Шор очень велико, особенно для автора, деятельность которого продолжалась недолго, менее двух десятилетий. Но преобладают «малые жанры»: энциклопедические статьи, обзоры, предисловия и послесловия, комментарии, рецензии (в этом жанре Шор тоже была очень активна). Здесь, впрочем, есть работы, достаточно большие по объему, скажем, добавления к В. Томсену или статья «Языковедение» в БСЭ. Но статей обычного типа немного. А прижизненных книг, не считая литературоведческих и изданий переводов, всего две и не слишком объемистые. Это [Шор 1926] и [Шор 1931a]. Первая из них посвящена социологии языка (сам термин «социология языка», по-видимому, в СССР употребила впервые именно она), вторая имеет в основном историографический характер.

Книга [Шор 1926], изданная за один год (как раз год рождения дочери автора) дважды, несомненно, самая интересная ее работа, удачно сочетающая научность с общедоступностью, написанная ярко, привлекающая множество любопытных и иногда забавных примеров из художественной литературы и из разговорного языка. В книге ощущается, что ее автором была «женщина остроумная». Но цель автора вполне серьезна: «изложить в доступной для русского читателя форме новейшие достижения западноевропейской научной мысли в области *социологии языка*» [Шор 1926: 3]. И она далес перечисляет имена: на первом месте Ф. де Соссюр, затем А. Мейе, Ш. Балли,

Э. Сепир (имя тогда для СССР совсем новое), А. Марти; в числе ученых, используемых в меньшей степени, названо еще семеро, в том числе О. Есперсен, М. Бреаль [Там же: 3–4]. Оговаривается, что И.А. Бодуэн де Куртенэ учтен лишь в связи с понятием фонемы [Там же: 4].

Сразу отметим, что в работах Шор русской науке о языке отводилось мало места. Так, в очерке мирового языковедения А.А. Потебня оценен как популяризатор Х. Штейнталя [Шор 1931в: 396], Ф.Ф. Фортунатов без оговорок назван младограмматиком, а, скажем, А.Х. Востоков или Н.В. Крушевский проигнорированы. Это соответствовало духу времени, а до эпохи, когда на русскую науку стало у нас обращать главное внимание, Розалия Осиповна не дожила. Впрочем, в самом конце жизни она уже критиковала В. Томсена за игнорирование русских ученых [Шор 1938: 5].

Такой постановкой задачи («изложить новейшие научные достижения западноевропейской научной мысли») Шор сразу обрекала себя на определенную вторичность, на роль пересказчика чужих идей, в доступной форме применяемых к новому материалу, прежде всего, русского языка. Но постоянная ее склонность к полемике и критичность проявляется и здесь. Она резко отзывается о «несостоятельной» «ходячей морфологической классификации языков» [Шор 1926: 14–15] (впрочем, в этом месте книги видно влияние Э. Сепира). А в социологии языка добавлены формулировки о классовом господстве и классовом сознании [Там же: 120, 121, 134 и др.], хотя их заметно меньше, чем в поздних работах того же автора.

Влияние Ф. де Соссюра заметно в книге не раз. Так, споря с идеей о слове как представлении, Шор принимает его знаковую теорию: «слово – не представление, а знак» [Там же: 80], как и идеи произвольности знака [Там же: 42 и др.]. У Ш. Балли используется идея о том, что в каждом языке имеются система выражения значений и система выражения эмоций [Там же: 82]. Много взято у того и другого, как и у А. Мейе, и в связи с социальной ролью языка. Именно Шор отнесла всех этих ученых, а также Ж. Вандриеса (видимо, попавшего в ее поле зрения после 1926 г.) к «социологической школе языкознания». Это понятие надолго утвердилось в советской науке, сохранившись даже в хрестоматии В.А. Звегинцева [Звегинцев 1964: 412–415], который, правда, исключил из нее и рассматривал отдельно Соссюра и его последователя Балли, зато добавил Э. Бенвениста.

Однако Шор никогда не принимала самый нетрадиционный и вызывавший в те годы наибольшие возражения компонент учения Соссюра – разделение на синхронию и диахронию при приоритете первой над второй. Об этом она писала, в частности, в рецензии на книгу В.Н. Волошинова [Шор 1929: 153]. Там же она указывала: идеи Соссюра, в отличие от «в корне чуждых» идей К. Фосслера, после «коренной перестройки» могут быть пригодны для построения марксистской лингвистики; в связи с этим она резко оценивала книгу Волошинова, имевшего как раз обратное мнение [Там же: 154].

Но все же книга [Шор 1926] даже по своей проблематике далеко не сводится к простому переложению идей «социологической школы». Большая ее часть посвящена проблеме, обычно вообще не рассматриваемой лингвистами, несмотря на свою важность. Книга, обращенная к широкому читателю, исследует стереотипы массового, «наивного» сознания в отношении языка, выявляет их причины и старается отучить от них. Например, рассматривается то, что «рефлектирующее над языковыми фактами наивное сознание» удивляется множеству языков и особенно тому, что «в различных языках для обозначения одной и той же вещи применяются совершенно различные звуковые комплексы» [Шор 1926: 6]. «Серьезная наука» редко замечает такие проблемы (впрочем, как раз Соссюр их обсуждал, говоря о произвольности знака), но они очень важны. И недаром современный лингвист назвал популярную книгу о языке «Почему языки такие разные?» [Плунгян 1999]. И Шор вкратце рассматривает, какими разными бывают языки, давая начатки знаний о типологии и приводя разнообразные примеры.

Другой вопрос связан с тем, что «сталкиваясь с проблемой многообразия человеческих языков, наивное сознание реагирует на нее, прежде всего, своеобразным протестом» (непривычное кажется «нечеловеческим», отсюда пародии на чужое произно-

шение, прозвища и пр.) [Шор 1926: 20]. На это накладываются замечаемые носителями изменения в языке, что «окончательно разрушает свойственное наивному сознанию представление о естественно-необходимом характере его родной речи» [Там же: 33]. И несостоятельность такого представления показана на разных примерах: говорится о социальном, а не естественном характере овладения языком, о различии между природными звуками (такowymi кажутся и звуки чужой речи) и звуками, включенными коллективом в систему (вот здесь сказано о фонемах).

Еще один предрассудок: «примитивному сознанию слово представляется тождественным с обозначаемым им предметом» [Шор 1926: 63], что проявляется в магии слов, табу и пр. «Но в основе этого наивного представления лежит проблема менее ясная – проблема о тождестве значения, как существующего в коллективном смысле слова, и названия, как указания на предмет» [Там же: 67]. И далее рассматриваются проблемы семасиологической и номинативной функций, в том числе случаи их несовпадения. Кроме того, «наивное языковое сознание» сохраняется, приобретая новые свойства, и при элементарном образовании: лингвистически не образованному грамотному человеку «основной единицей речи обычно представляется графическое слово» [Там же: 56], хотя в связной речи это не так, на что указывают народные этимологии и каламбуры. Один из примеров Шор хочется привести: строку «Интернационала» *Воспрянет род людской* кто-то (ребенок?) воспринял как: *Воз пряни[ков] в рот людской* [Там же: 57]. Последнее, против чего предостерегает Розалия Осиповна, – свойственное даже некоторым лингвистам отождествление значения слова с его этимологией или внутренней формой в смысле А.А. Потебни: «Внутренняя форма слова так же мало связана с его значением, как и его внешняя форма» [Там же: 93]; «Установление этимологической связи двух слов отнюдь не раскрывает их значение, но делает это значение “образным”, наглядным» [Там же: 95].

Анализ точно подмеченных свойств «наивного сознания» играет у Шор двойную роль. Во-первых, оно дает возможность на, казалось бы, совсем простом уровне рассмотреть серьезные и сложные проблемы языка. Во-вторых, это имело тогда и имеет сейчас и самостоятельное значение. В 20-е гг. шло активное распространение литературного языка и книжной культуры в массы, часто сохранявшие «наивное сознание», в том числе языковое, что могло породить те или иные коллизии. А сейчас, конечно, человек со средним или высшим образованием уже не будет называть любого, кто не говорит на его языке, *немцем* или подобно цитируемому Шор негру Джиму из «Приключений Гекльберри Финна» думать, что в мире есть лишь один его родной язык. Но и люди, прекрасно образованные в других областях знаний, могут проявлять те или иные черты «наивного сознания». Это хорошо проявилось при обсуждении предлагавшихся реформ русской орфографии и в 60-х гг., и в совсем недавнее время, когда выступления многих уважаемых людей, в том числе писателей, показали, что поднятые Шор вопросы еще долго будут актуальными.

Последняя часть книги [Шор 1926: 100–147] непосредственно посвящена теме, заявленной в ее названии. В то время социолингвистика как особая дисциплина еще не существовала, а в нашей стране Шор наряду с Е.Д. Поливановым выступала в роли первопроходца. Рассмотрено на ряде примеров, как социальная дифференциация отражается в языковой дифференциации; описываются социальные диалекты, включая тайные языки, и их соотношение с «общим языком»; обращается внимание, что таким образом в языке выражается классовое или групповое самосознание. Шор избегала заявлений марристов о всеобщей классовости языка, говорится лишь о выражении классовой борьбы в экспрессивной окраске слова (в том числе звуковой) и об обусловленных «классовым сознанием» мерах по регулированию языка (в зависимости от ситуации это может быть поощрением или искоренением заимствований и пр.). Рассмотрены разные формы существования языка: территориальные диалекты, койне, но также и «общие языки», отрицавшиеся марристами. Особо указано, что социальное взаимодействие между группами ведет к языковой унификации, а отсутствие такого взаимодействия – к дифференциации [Шор 1926: 133]. Специально обращено внимание на редко тогда

упоминавшиеся теоретиками языка «торговые жаргоны» и пиджины [Там же: 134]. В то же время Шор признает (что делали не только марристы) существование смешанных языков, к которым относит английский и современный персидский [Там же: 134–135]. Постоянно автор книги старается объяснить те или иные явления языка изменениями в обществе, причем роль экономических факторов (в частности, экономического господства) считает более важной, чем роль политики [Там же: 134]. При общей разумности подхода иногда объяснения выглядят излишне прямолинейными. Процесс распада языков Шор однозначно связывает с экономическим регрессом: распад латыни и образование романских языков она объясняет регрессом после падения Римской империи [Там же: 138].

Влияния марризма (как, впрочем, и полемики с ним) в книге нет, источники влияния совсем другие. В целом же книга вполне разумна и хорошо написана; хотя современная социолингвистика далеко ушла вперед, книга выглядит не такой уж устаревшей, в 2009 г. она переиздана. А в 20-е гг., безусловно, она выделялась. Впоследствии В.А. Звегинцев в кратком очерке советского языкознания 20–30-х гг., ссылаясь на эту книгу, писал: «Положения социологической школы нашли отражение в деятельности Р.О. Шор» [Звегинцев 1960: 226]. Эта школа отделена им и от традиционной науки тех лет (куда, впрочем, причислен даже Е.Д. Поливанов), и от марризма.

Но скоро Розалии Осиповне пришлось каяться за свою книгу. Она писала, что ошибочно пыталась «материалистически переработать Ф. Соссюра», дополняя его А. Мейе, вводила экономический фактор, но сохранила основные дефекты соссюрской концепции, в результате «нечеткость социологических понятий и недialeктичность всей концепции» [Шор 1931а: 27].

Такая смена вех прошла несколько этапов и была обусловлена как усилением борьбы за марксистскую лингвистику в стране, так и установлением между 1926 и 1931 гг. господства марризма. В книге [Шор 1926] при использовании иногда марксистской терминологии задача построения марксистской лингвистики еще не ставилась. Уже в рецензии на В.Н. Волошинова [Шор 1929] она обсуждается, но пока еще считается возможным использовать, пусть после «перестройки», идеи Соссюра. К 1931 г. так вопрос уже не стоял.

Изменение климата в советской лингвистике хорошо видно из сравнения двух публикаций, где Розалия Осиповна высказывается о книге В.Н. Волошинова «Марксизм и философия языка» [Шор 1929; 1931б]. Суть отношения к книге одна и та же: Шор ни там, ни там не принимает концепцию Волошинова. Но в первой публикации она дает чисто научный анализ с явной симпатией к Соссюру, а спустя два года оценки резче и идеологизированнее.

«Новое учение о языке» Н.Я. Марра стало активно внедряться во все области языкознания лишь в 1928–1929 гг., когда оно было при поддержке ряда видных деятелей партии (М.Н. Покровский, А.В. Луначарский) объявлено «марксизмом в языкознании». При этом в Ленинграде, где жил Марр, оно и тогда, и даже позже было влиятельнее, чем в Москве, где была заметна оппозиция ему. И одной из первых в Москве под влияние марризма (никогда, впрочем, не ставшее полным) подпала (наряду с Н.Ф. Яковлевым и Л.И. Жирковым) Р.О. Шор. Если в книге 1926 г. нет Марра, то уже в следующем году в статье [Шор 1927] о «новом учении» говорится, да и сама статья опубликована в марристском издании. А П.С. Кузнецов, упоминая о резкой враждебности марризму М.Н. Петерсона и А.М. Селищева, пишет: «Р.О. Шор, напротив, во многом тогда склонялась к Марру» [Кузнецов 2003: 186–187]; далее он еще раз повторяет эту фразу [Там же: 189]. В «поливановской дискуссии» 1929 г. она выступила на стороне противников Е.Д. Поливанова, то есть за Марра. В следующей дискуссии 1931 г. между марристами и «Языкофронтом» она до конца не солидаризировалась ни с одной из сторон, но в целом также была за Марра.

Вряд ли такое поведение следует объяснять, как это часто делают в подобных случаях, только страхом и влиянием проработок. В Москве Шор, как отмечает П.С. Кузнецов, стала «склоняться к Марру» сразу, еще до его полной победы, когда еще возможно было

открытое выражение разных мнений о «новом учении». Уже в начале 30-х гг. крайние марристы иногда задевали и ее (Шор отнесена к «контрабандистам» в числе многих других в погромном сборнике [Против 1932], выпущенном молодыми ленинградскими марристами во главе с Ф.П. Филиным), но это происходило все-таки позже. Представляется, что «новое учение» ей действительно было интересно, как бы это ни казалось странным с современной точки зрения, и она здесь была не одинока. Но все же она была слишком образованна и эрудированна, чтобы отвергнуть ради него всю мировую науку. В борьбе научных партий она была за Марра, но и не вместе с ним.

У Розалии Осиповны было много качеств, ценных для ученого: работоспособность, эрудиция, умение интересно писать и четко формулировать свои мысли. Ей не хватало самостоятельности во взглядах. И часто она увлекалась теми учениями, которые были в данные годы популярны (хотя испытание временем они выдерживали потом по-разному). Так было с Соссюром, от влияния которого она полностью не освободилась, хотя в 30-е гг. стала к нему много критичнее. И так было с Марром. Впрочем, у обоих она не приняла самые смелые и порывавшие с традицией идеи: у Соссюра отказ от историзма, у Марра отвержение компаративистики. В результате ученые, четко придерживавшиеся определенных взглядов, упрекали ее в эклектизме. Вот, например, позднейшая характеристика А.А. Реформатского: Шор «была по природе эклектична, заигрывала с марризмом» [Реформатский 1970: 25]. Он же указывал, что фонологи Московской школы не могли по этой причине найти с ней научное взаимопонимание (хотя она им много помогала, давая им работу и активно привлекая для серии «Языковеды Запада»).

Разделяя со многими лингвистами интерес к Марру, Шор, с блеском воевавшая с «наивным сознанием», не замечала или не хотела замечать, что именно им во многом определялись замысловатые построения именитого академика. «Новое учение» на деле оказывалось регрессом, возвращением к наивным представлениям, давно оставленным наукой; в частности многие построения Марра основывались на придуманных им народных этимологиях (мы рассматриваем этот вопрос в особой статье [Алпатов 2009]). Эта сторона «нового учения», очень сильная у самого Марра, впрочем, затушевывалась и сглаживалась его более академичными последователями вроде И.И. Мещанинова, а также и самой Р.О. Шор.

В 1931 году вышли в свет две важнейшие работы Р.О. Шор: ее вторая книга по лингвистике [Шор 1931a] и самая объемистая энциклопедическая статья [Шор 1931b]. Их имеет смысл рассмотреть суммарно, поскольку они близки по тематике (очерк истории мирового языкознания) и даже имеют текстуальные совпадения, хотя не совсем совпадают по объекту изучения. Первая работа при экскурсах в прошлое делает акцент на современности, вторая в силу жанра энциклопедического компендиума касается всего периода от начала Нового времени до 20-х гг. XX в. (античная и средневековая наука не вызвала у Шор интереса). Кроме того, энциклопедический очерк сосредоточен на «буржуазной лингвистике» (учение Марра изложено в том же томе в статьях других авторов), а в книге речь идет и о «марксистской науке».

Книга [Шор 1931a], вышедшая с предисловием А.В. Луначарского, стояла в ряду публикаций, ставивших целью создание нового, марксистского языкознания. Об этом тогда или немного раньше писали Н.Я. Марр и его последователи, Е.Д. Поливанов, В.Н. Волошинов, Г.К. Данилов, И.И. Презент и др. Люди во всех отношениях разные, и «марксистская лингвистика» у всех получалась разной. Особенность подхода Шор естественна для человека с большой эрудицией и меньшей научной самостоятельностью: она критически разбирает «буржуазную науку», выделяя в ней наследие, которое можно использовать (такового за исключением фактического материала остается немного), дает столь же критический обзор существующей «марксистской лингвистики», но гораздо в меньшей степени предлагает собственные идеи и методы.

Оба очерка развития «буржуазной науки» показывают обширные познания автора, фактически точны, содержат немало интересных оценок и замечаний, но жестко подчиняются принятой тогда в советской (не только лингвистической) историографии схеме, согласно которой мировая наука XVI–XIX вв. повторяла в своем развитии судь-

бу формировавшего ее класса – буржуазии. Пока буржуазия была восходящим, прогрессивным для своего времени классом, наука шла вперед, достигнув высшей точки к началу XIX в., а дальше, как и породивший ее класс, стала клониться к упадку (что не исключало прогресса в решении каких-то частных вопросов). Так тогда подходила к истории лингвистики не одна Шор, см., например [Абаев 2006: 18]. Эта схема, с одной стороны, стимулировала изучение науки, в том числе науки о языке XVII, XVIII и первой половины XIX вв., для которой оставляла возможности достаточно объективного анализа. Но, с другой стороны, как любая схема, она была слишком жесткой, а оценки современной западной науки оказывались крайне резкими.

Еще один перекосяк: такой подход требовал акцентировать роль ученых, которых можно было с тем или иным основанием считать материалистами. Тут, правда, оценки могли быть разными. Е. Д. Поливанов считал: «Со времен Шлейхера лингвистику можно считать уже материалистической» [Поливанов 1991: 537]. Но Шор применяла обычные для того времени критерии разграничения материализма и идеализма. В результате «буржуазный материализм» обнаруживался, прежде всего, у мыслителей XVIII в., в частности, у Ж.-Ж. Руссо [Шор 1931в: 395; 1931а: 9], а позже элементы материализма, «осмеянные и отброшенные» господствующей наукой, обнаруживаются у немногих занимавших маргинальное положение языковедов, в том числе у М. Мюллера [Шор 1931а: 9]. Все остальные направления рассматривались как идеалистические, впрочем, особо выделялся позитивизм, игнорировавший «основной вопрос философии» о материи и духе. «Общий путь развития буржуазной научной мысли» Шор определяет как «движение от материализма к идеализму» [Там же: 9], а всех современных ученых, кроме отчасти О. Есперсена, не отказавшегося совсем от натуралистического подхода, называет «чистыми идеалистами» [Там же: 12].

Приходилось учитывать и особые обстоятельства. За год до публикации данных работ И.В. Сталин резко отозвался о социал-дарвинизме, связав его с «социал-фашизмом». Но в области языкознания социал-дарвинизм проявлялся, прежде всего, у А. Шлейхера. Поэтому оценки именно этого ученого особенно резки: «Как всякое перенесение дарвинизма в область общественных наук лингвистический натурализм Шлейхера является объективно-реакционным учением, широко используемым идеологами империализма» [Шор 1931в: 399]. И вопреки словам о «широком использовании» несколькими строками ниже: «Натурализм Шлейхера... оказался мало устойчивым» [Там же: 399]. Но не стоит судить об очерках на основе лишь таких примет времени, в них присутствует серьезное содержание.

«Восходящий» период развития «буржуазной» науки Р.О. Шор возводит к временам, когда «начало колониальной экспансии, географические открытия и торговые путешествия создают необходимые предпосылки для широкого ознакомления европейской научной мысли с новыми языковыми коллективами, с языками иных типов, чем известный с древности узкий круг языков европейских» [Там же: 393]. В то же время наука о языке во многом еще до начала XIX в. не была самостоятельной научной дисциплиной, так как не отделилась от филологии. Особо отмечены философские концепции языка XVIII в., в связи с чем дается нестандартная оценка места В. фон Гумбольдта в языкознании: «последний крупный представитель философии языка, стоящий у начальной грани 19 в.» [Шор 1931в: 295]. То есть этот мыслитель связывается не столько со своими современниками и последователями, как это обычно делается, сколько с предшественниками. Любопытна и идея о том, что философия языка, свойственная XVII–XVIII вв., после Гумбольдта была «отвергнута как ненаучная» «натуралистическим компаративизмом 19 в.» и возродилась лишь в начале XX в. [Шор 1931а: 393]. Тем самым Х. Штейнталь и другие гумбольдтианцы выводятся за пределы традиции Гумбольдта.

Сравнительно-историческое языкознание рассматривается Шор более всего с точки зрения его теоретических основ, действительно составляющих, как это указывали и до нее, его самое слабое место, а конкретной методике реконструкций уделено мало внимания. Указано, что прогрессивная для начала XIX в. идея сравнения языков первоначально (Гумбольдтом и особенно Ф. Шлегелем) рассматривалась в широком

культурном окружении, что проявилось в пусть неверной, но глобальной идее стадий, но, уже начиная с Ф. Боппа, об этом забыли, перенеся внимание на частности [Шор 1931а: 13]. Когда языки мира делятся на неизменные по своим пределам семьи, взаимодействующие лишь через процесс заимствования, не учитываемый при сравнениях языков, то «мир представляется готовым, законченным, раз навсегда данным» [Там же: 13]. В результате «полное искажение исторического процесса в языке», «сужение всего поля исследования», «господство звука вне смысла, помимо смысла» [Там же: 14]. Справедливо указано, что в компаративистике и исторической лингвистике в целом, особенно в эпоху младограмматизма, при интенсивной разработке фонетических сопоставлений морфология является лишь «приложением» фонетики, а синтаксис и семасиология разработаны слабо [Шор 1931в: 404, 406]. Дана критика двух постулатов компаративистики: «о замкнутом и изолированном развитии нескольких происшедших из одного общего праязыка языков» (то есть постулата родословного древа) и постулата фонетического закона [Там же: 402–403]. Действительно, если, как это делали и делают многие компаративисты (в наиболее крайнем варианте А. Шлейхер), придавать этим постулатам не чисто методическое, а онтологическое значение, они очень уязвимы для критики, в которой Шор была не одинока. Она сама указывает, что положения компаративистики уже критиковались с начала XX в. и эстетическим идеализмом К. Фосслера, и «эклктической социологией» (имеется в виду Соссюр) [Шор 1931а: 14].

Вывод Шор: в сравнительно-историческом языкознании если и есть что-то приемлемое, то это техника, но не методология сопоставлений [Там же: 15]. Это не соответствовало взглядам Марра, который требовал отвергнуть все. Впрочем, в 40-е гг. сходные идеи стали высказывать и ученые, формально принадлежавшие к марристскому лагерю, например, А.В. Десницкая.

Говоря о лингвистике XIX в., Розалия Осиповна видит в ней регресс по сравнению с предшествующим веком (к которому, напомним, она отнесла и Гумбольдта): «Индивидуализм в восприятии языкового явления, свойственное философскому эклектизму хватанье за отдельный конкретный факт и боязнь широких философских обобщений, ползучий эмпиризм, откуда – крайнее сужение разрабатываемой области, – таковы характерные черты лингвистической науки 19 в. Интересно проследить, как в процессе ее развития исчезают те зачатки социально-исторической концепции языка, которые уже намечены были революционной просветительской мыслью 18 в.» [Шор 1931в: 404].

Если В. Гумбольдт и даже Я. Гримм еще связывали историю языка с историей его носителей, то далее наука о языке все более замыкалась в себе. Крайним проявлением такого замыкания Р.О. Шор считает идеи Ф. де Соссюра о разделении на внутреннюю и внешнюю лингвистику [Шор 1931в: 413; 1931а: 20]. Ранее Шор не отвергала этот компонент учения Соссюра (в отличие от приоритета синхронии), теперь же она называет его «шагом назад» и критикует резко, даже чем по-прежнему ею не принимаемое разграничение синхронии и диахронии. Несколько лучше с данной точки зрения она оценивает те направления науки второй половины XIX в., которые так или иначе увязывали историю языка с историей культуры и/или общества (А. Мейс, Х. Шухардт, Ф. Боас, лингвистическая география), но и они плохи тем, что расходятся с историческим материализмом.

Говоря о методологических основах науки о языке XIX в., Р.О. Шор подчеркивает две, по ее мнению, основные черты. Первая – усиление индивидуализма. Его еще не было у Гумбольдта (что подмечено верно), но уже в этнической психологии Х. Штейнталя и М. Лацаруса «дух народа» живет лишь в индивидах, в «индивидуальном духе» [Шор 1931а: 10; 1931в: 405]. Далее индивидуализм усиливается у В. Вундта, младограмматиков и достигает максимума в школе Фосслера (всегда оценивавшейся Шор крайне отрицательно) и возрожденной в начале XX в. у Э. Кассирера и др. философии языка.

Другая черта – движение от натурализма и биологизма, основанного Ф. Боппом, достигшего максимального развития у А. Шлейхера и иногда приобретающего черты материализма (М. Мюллер), к психологизму и психофизиологизму, опять-таки индиви-

дуальному, особенно у младограмматиков. Такое развитие также рассматривается как регресс.

В итоге достижения науки о языке за XIX в. в основном сведены к двум результатам. Во-первых, «работа собирательно-описательная значительно продвинулась вперед» [Шор 1931в: 405] и в сборе фактов живых языков, и в дешифровке древних письменностей. Во-вторых, «в области индоевропейских языков соотношения между фонетическими (и отчасти морфологическими) системами отдельных языков и отдельных стадий развития того же языка установлены были с такою точностью, что порой оказывалось достаточно запомнить несколько так назыв. “фонетических законов”, чтобы свободно переводить звуковую форму одной эпохи языка в другую, одного диалекта в другой» [Там же: 405]. Это то наследство, от которого нельзя отказываться. Но методология всей этой науки для нас неприемлема.

Из ученых последнего времени по-прежнему наибольшее внимание уделено Ф. де Соссюру, но теперь его теория (впрочем, как оказывается, не во всем) резко критикуется. Неприемлемыми признаются не только синхрония и диахрония и внутренняя и внешняя лингвистика, но и «сведение социального к коллективно-психологическому», отрыв понятия языка от «реальной общественной базы», превращение личности в «некий пассивный аппарат, по традиции регистрирующий только то, что ему передает коллектив», наконец, «дробление» лингвистики на множество не связанных друг с другом дисциплин [Шор 1931а: 19–20, 42, 50–51; 1931в: 411–413].

Почти все эти замечания могут быть сведены к двум: недостаточно последовательному социологизму и расчленению единого объекта науки на обособленные части. Последний упрек выделяет существенную сторону концепции Соссюра, потом нашедшую продолжение едва ли не во всех направлениях структурализма: преобладание анализа над синтезом, разделение лингвистики на отдельные дисциплины, дающее возможность сузить, но и при этом углубить объект исследования, например, сосредоточившись на синхронном изучении языка. Этим концепция Соссюра отличалась, например, от отчасти близкой к ней концепции И.А. Бодуэна де Куртенэ. А превращение говорящего в «пассивный аппарат» не принимали у Соссюра не только Шор, но и, казалось бы, абсолютно далекий от нее В.Н. Волошинов, а позже Н. Хомский. За штампами тех лет скрываются претензии, во всяком случае, «по делу».

Но, хотя Шор пишет: «Старые построения Гумбольдта для нас, пожалуй, интереснее, чем беспомощное топтание Соссюра между открытыми им противопоставлениями» [Шор 1931а: 43], Соссюр – один из немногих «буржуазных» ученых, работавших позже В. Гумбольдта и Я. Гримма, оценка которого у Р.О. Шор не однозначна. Даже сказано о его «ряде ошибочных выводов, снижающих ценность его системы» [Шор 1931в: 412]. Стало быть, ценность в ней есть. Определенная похвала содержится и в упоминании связи его через У.Д. Уитни с «социальными теориями языка 18 в.», оцениваемыми выше всего [Там же: 411]. Согласно Шор, «бесспорная заслуга системы теоретической лингвистики, выдвинутой де Соссюром, в том, что она полагает предел представлению о языке как о психофизиологическом процессе, протекающем в пределах индивидуального сознания. Де Соссюр признает, что в многообразном явлении речи можно выделить и момент индивидуально психологический..., и момент физиологический..., и даже момент чисто физический (звучание); но он указывает, что отличие осмысленной речи от бессмысленного крика заключается именно в том, что в ней процессы эти направлены на осуществление некоторой социальной цели – на создание словесного знака» [Шор 1931в: 411]. То есть два важнейших компонента учения Соссюра – противопоставление языка и речи и знаковую природу языка – Шор по-прежнему принимает. И далее сказано, что школа Соссюра и Мейе «права в своем утверждении примата коллектива над индивидом, объективности и принудительности для него социального явления языка» [Там же: 412; ср. также Шор 1931а: 33]. В наши дни на Западе Соссюра как раз за это иногда критикуют, видя в его идеях отрицание либерализма и свободы.

Итак, если не «перестройка» учения Соссюра, то хотя бы учет его идей. И, что важнее всего, как раз тогда Розалия Осиповна добилась русского издания «Курса».

Шор перечисляет «популяризаторов» этого учения: Ш. Балли и А. Сеше, а у нас М.Н. Петерсон, Г.О. Винокур, отчасти Л.А. Булаховский и Я.В. Лоя, включает она в список и себя (видимо, уже в прошлом) [Шор 1931а: 18]. Этим лингвистам и ученым старой школы вроде Д.Н. Ушакова и А.И. Томсона противопоставлены сторонники марксистской лингвистики.

Как и другие лингвисты данного направления (кроме марристов, полагавших, что их учитель уже все открыл), Шор не считала поставленную задачу решенной: «Лингвистика представляет собой один из наиболее забытых, один из наименее благополучных участков на идеологическом фронте» [Там же: 7], ситуация в лингвистике хуже, чем, например, в литературоведении. И «никакого единства, никакой одной господствующей системы мы в современном языкознании не находим» [Там же: 8].

Идеи К. Маркса, Ф. Энгельса, П. Лафарга присутствуют в книге как данность, которой надо следовать, но их оказывалось недостаточно для создания лингвистики в целом. В книге дается обзор имевшихся в СССР работ по марксистскому языкознанию. Шор скептически относится к попыткам применить для этого теорию условных рефлексов И.П. Павлова (А.А. Богданов, И.И. Презент, С.М. Доброгаев), считает эклектикой и попыткой «примирить марксизм со старыми системами языкознания» (Бодуэн де Куртенэ) идеи Е.Д. Поливанова, находит эклектику и у Г.К. Данилова, по-прежнему резко оценивает В.Н. Волошинова («quasi-марксизм»), здесь же дана и самокритика, о которой упоминалось выше [Шор 1931а: 24–27, 34]. «Наиболее серьезным и оригинальным», как было уже положено в 1931 г., признается «новое учение о языке» Н.Я. Марра [Там же: 27]. Особо как его положительная сторона подчеркнута опора на материал игнорируемых старой наукой бесписьменных языков. Однако в очерке нет и полного принятия марризма: у Марра есть «пережитки» «естественнонаучного материализма», Марр не всегда учитывает высказывания классиков марксизма о языке и др. [Там же: 29]. А многие компоненты учения Марра вроде четырех элементов Шор обходит.

В разделе, посвященном изложению позитивных взглядов [Там же: 30–52], также силен историографический компонент. За его вычетом остаются лишь общие положения, где речь в основном идет либо о необходимости применить в языкознании те или иные компоненты марксистского учения, в том числе диалектику, которая уже присутствовала у лучших «буржуазных лингвистов», особенно у В. фон Гумбольдта, либо о развитии и выдвигании на первый план семантики. Завершается книга обсуждением вопроса о плановом воздействии на язык и культурном строительстве, в связи с чем снова критикуется Соссюр, отрицавший возможность сознательного вмешательства в язык [Там же: 50–51]. Все это также соответствовало традициям тех лет.

В целом Шор, как и другим ученым, включая Е.Д. Поливанова, не удалось решить задачу построения марксистской теории языка, которая, по-видимому, была неосуществимой. Показательно, что в 1950 г. от нее фактически отказался И.В. Сталин, призвавший вместо этого следовать традициям русской дореволюционной науки. Но поиски в этой области не были бесплодными, стимулируя изучение ряда важных проблем, в том числе социального функционирования языка. И здесь вклад в науку внесла и Шор.

Следует сказать и об энциклопедической статье «Язык» [А.Б., И.М., Р.Ш. 1931], где речь идет не о конкретных языках, а о свойствах и развитии языка вообще. Но она написана тремя авторами, обозначенными как А.Б., И.М., Р.Ш., из которых два последних легко расшифровываются как И.И. Мещанинов и Р.О. Шор, а первый неясен (может быть, А.А. Богданов); авторство по разделам не разграничено. Большая часть статьи посвящена происхождению языка и его развитию в первобытные и древние эпохи в соответствии с идеями Марра и написана, видимо, другими авторами. Бесспорна принадлежность Шор лишь краткого заключительного раздела о современных языках; его тема – социальное функционирование языка в капиталистическом и социалистическом обществах, а подход соотносится с книгой «Язык и общество»; вопросы структуры языка не затрагиваются.

Публикации Шор последних лет жизни также в основном имели историографический характер [Шор 1937; 1938]. В целом они исходят из тех же постулатов, что преж-

ние очерки. Так, в предисловии к книге Ж. Вандриеса она характеризуется как ценная богатством материала и «тонким и глубоким» анализом фактов [Там же: 6–7], интересная рядом идей, включая «тонкую, хотя и не идущую до конца, критику сравнительно-исторического метода» [Там же: 11], но методологически беспомощная. Например, Вандриес правильно критикует «поспешные обобщения» в стадиальных концепциях XIX в., но снимает проблему вообще и не может установить связь между грамматическим строем языка и стадиями развития мышления [Там же: 8–9]. Напомним, что как раз на это время в СССР пришелся пик исследований по стадиальной типологии (И.И. Мещанинов и его школа), опять-таки Шор отстаивает популярное тогда лингвистическое направление. Положительную сторону рассматриваемой книги Шор видит в обращении к социальным проблемам языка (этим, видимо, и был обусловлен выбор ее для перевода), но здесь она критикует автора более всего: он видит лишь социальные группы и не выделяет среди них классы; в связи с этим она отрицает используемое Вандриесом понятие престижа языка – «вымышленное понятие», прикрывающее угнетение и насильственную ассимиляцию [Шор 1937: 10]. И такое критическое замечание: «По существу Вандриес исходит из представления одного общества, общества, современного ему – буржуазного» [Там же: 10]. Взгляды Вандриеса сами по себе охарактеризованы в этой фразе точно, но как в наши дни оценивать такую точку зрения?

Последняя крупная прижизненная публикация Розалии Осиповны – очерк, приложенный к книге В. Томсена [Шор 1938], – повторяет многие оценки очерка [Шор 1931в], но несколько подробнее его, особенно в отношении лингвистики XVI–XVIII вв. Об этой лингвистике («донаучной», как считали Томсен и другие ученые, исходившие из сравнительно-исторического метода) Шор подробно рассказывала и в курсах, читавшихся ею в вузах Москвы и Ленинграда. Интерес к ней выделял ее из советских лингвистов той эпохи и не всегда находил отклик у слушателей. И.М. Дьяконов спустя много лет писал о ее курсе истории лингвистических учений в ЛИФЛИ в 1936/37 гг.: «Я никогда не мог заинтересоваться описаниями старых философий и лингвистических концепций, давно потерявших актуальность и даже смысл. Я слушал ее вполуха» [Дьяконов 1995: 397].

Отметим еще одну работу тех лет – написанные в соавторстве комментарии к русскому изданию лингвистической работы Ф. Энгельса «Франкский диалект» [Шор, Чемоданов 1935]. Издание появилось в годы, когда официально «марксизмом в языкознании» считался марризм. Однако следов марризма в комментариях нет, и комментаторы исходят из существования языкового родства и языковых семей, так же как и сам Энгельс, взгляды которого на этот счет марристы замалчивали.

Если исходить из печатных работ, то можно подумать, что Шор в 30-е гг. занималась в основном историей языкознания. Но это не так, и многие стороны ее деятельности не находили адекватного выражения в печати. Например, вот что пишет ее дочь: Шор «ценила просвещение, верила в просвещение, была просветителем, поэтому она охотно участвовала в составлении алфавитов для бесписьменных народов» [Шор 2006: 243]. Известно ее активное участие в многочисленных совещаниях и дискуссиях на эту тему, но в печати это отражено мало. А.А. Реформатский вспоминал, что она часто выступала на лингвистических дискуссиях в Московском городском педагогическом институте (при множестве мест службы там она как раз не работала), в том числе по фонеме в 1935 г. [Реформатский 1970: 25], но опять-таки эти выступления не отразились в печати. И ведущую роль в ее деятельности играло преподавание. А читала она в нескольких вузах разные курсы, в основном общелингвистические. И в том числе она вела (по крайней мере, в МИФЛИ) курс сравнительно-исторического языкознания, как бы она иногда ни задевала его методологические основы в публикациях.

В мае 1991 г. в Институте языкознания АН СССР выступал с воспоминаниями один из последних учеников Розалии Осиповны по МИФЛИ доктор филологических наук Э.А. Макаев (к сожалению, они, кажется, остались неопубликованными). И он говорил о том, как уже во второй половине 30-х гг. ему, в то время студенту, захотелось научиться компаративистике, тогда полулегальной, и ему сказали, что в Москве такие

знания можно получить только у Шор. Он связался с ней и занимался с ней вплоть до ее болезни, за что на всю жизнь был ей благодарен. Уже этот факт показывает безосновательность ее причисления к марристам.

Интересы Шор не исчерпывались лингвистикой. Любопытно, что, по свидетельству ее брата, в юности она первоначально хотела специализироваться по литературоведению, но в I МГУ место было лишь на кафедре языкознания [Шор 2006: 216]. Из ее письма тех лет, опубликованного дочерью, следует, что она увлекалась формальной школой, идеями О.М. Брика и В.Б. Шкловского. Публикации по литературе у нее впоследствии были. В том же «урожайном» для нее 1931 г. она в соавторстве издала книги о Г. Гейне [Шиллер, Шор 1931] и о Ч. Диккенсе [Луначарский, Шор 1931]. Под ее редакцией и с ее участием была подготовлена ценнейшая хрестоматия по западной средневековой литературе [Шор 1936], позже переиздававшаяся. Наконец, ей принадлежит перевод двух индийских литературных памятников «Панчатантра» [Шор 1930] и «Двадцать пять рассказов Веталы» [Шор 1939], вторая книга вышла посмертно. Добавим, что, по свидетельству П.С. Кузнецова, по сравнению с М.Н. Петерсоном она, преподавая санскрит, «меньше занималась сравнительной грамматикой и больше уделяла внимания филологическим толкованиям» [Кузнецов 2003: 177], что для Кузнецова, чистого лингвиста по интересам, казалось скорее недостатком. И не было ли в ее критике замыкания языковедения в себе (свойственного столь разным лингвистам как младограмматики и Соссюр) и отражения сохранявшейся в глубине души одновременной тяги и к лингвистике, и к литературоведению и филологии?

Бурная деятельность внезапно была окончена. В конце сентября 1938 г. во время командировки в Ленинград проявились симптомы болезни, видимо, уже запущенной. Осенью был поставлен диагноз – рак, и сделана операция, давшая лишь временный результат. Как раз в эти месяцы Шор единственный раз баллотировалась в члены-корреспонденты Академии наук, но по языкознанию выбрали не ее, а одного из ее учителей Д.Н. Ушакова. С начала нового года состояние больной стало резко ухудшаться, и 22 марта 1939 г. Розалия Осиповна Шор скончалась на 45-м году жизни.

Смерть ученого еще не означает окончания его деятельности. До начала войны выходили тома БСЭ с ее статьями (например, «Предложение»). А самая объемистая ее книга вышла посмертно, правда, в соавторстве. Розалия Осиповна не успела осуществить мечту: издать свои общелингвистические курсы. Это сделал Н.С. Чемоданов, взявший за основу не правленую стенограмму курса введения в языкознание Шор в МИФЛИ в 1937/1938 учебном году (то есть последнего полностью прочитанного ею курса) и дополнивший его по черновикам и публикациям, главным образом, энциклопедическим. Некоторые разделы Чемоданов вынужден был писать сам, и книга имеет двух авторов. В предисловии сказано, что соавтор писал весь раздел фонетики и части разделов о грамматике и происхождении языка [Шор, Чемоданов 1945: 3] (для более точного разграничения авторства мы не имеем данных). Рукопись была готова к весне 1941 г., но из-за войны книга вышла только в год Победы. В советское время это был первый учебник введения в языкознание, студентам до 1945 г. приходилось готовиться к экзаменам по конспектам лекций. Существовали учебники дореволюционных лет (И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.И. Томсона, Д.Н. Ушакова), но они были мало доступны и во многом устарели.

Учебник по структуре соответствует привычным для нас эталонам таких изданий: теоретическое введение, фонетика, лексика, грамматика, генетическая и морфологическая классификация языков, история языка, письмо и, наконец, «очерк истории языковедения». Многие в нем, включая примеры, восходит к уже давней тогда книге [Шор 1926], особенно в главе о лексике. А начинается учебник с тезиса, также связанного с проблематикой той книги: знание иностранных языков необходимо для языковеда, освобождая его от «наивного представления, тяготеющего над человеком, знающим только один свой родной язык, будто формы родного языка являются единственно нормальными формами выражения языков» [Шор, Чемоданов 1945: 5]. Языковед, знающий только родной язык, – ситуация немыслимая для предреволюционных лет и не очень

частая сейчас, но для 30–40-х гг. указание было, видимо, актуальным. Впрочем, представления, против которых предостерегают авторы учебника, могут возникать даже у полиглота, если он знает лишь генетически и типологически близкие языки.

В учебнике используются многие идеи, выработанные в лингвистике XX в.: вводится понятие фонемы, а в основу грамматической части кладется разграничение деривационных и реляционных значений у Э. Сепира (впрочем, не упомянутого) [Шор, Чемоданов 1945: 101–103]. Его же идеи (уже с упоминанием имени) даны и в разделе о морфологической классификации языков [Там же: 198]. Принимаются некоторые положения Ф. де Соссюра, например, о языке как системе знаков [Там же: 9], хотя полемика с ним постоянно возникает и здесь. Впрочем, многое в учебнике следует и традициям науки XIX в.

Особо остановимся на отражении в учебнике идей Н.Я. Марра, во многом типичном для второй половины 30-х гг. и 40-х гг., когда его продолжали считать «великим ученым» и «основоположником марксистской лингвистики», но его ненаучную фантастику без какой-либо полемики с ней исключали из научного обихода; см. [Алпатов 1991: 112–142].

В большей части книги его идеи присутствуют мало, хотя имя постоянно упоминается. Чаще всего те или иные его положения и цитаты из его работ достаточно механически добавлены к основному тексту. Так, во вводной части появляется цитата из Марра о кинетической речи [Шор, Чемоданов 1945: 8], а также формулировка о языке как «специфической общественной надстройке» [Там же: 23]; последнее положение высказывал не только Марр, но в то время оно прочно ассоциировалось с ним. В грамматической части время от времени приводятся цитаты из Марра: о форме и идеологии [Там же: 108], о происхождении аффиксов из самостоятельных слов [Там же: 110], а в конце главы имеется чисто марристовский по идеям раздел «Происхождение частей речи» [Там же: 158–160]. Там же описывается историческое развитие предложений по И.И. Мещанинову [Там же: 146–150]. Но даже в довольно просторном разделе о происхождении языка теория Марра изложена на равных правах с теориями XVIII–XIX вв. [Там же: 199–208].

Более всего влияние марризма и общий эклектизм концепции чувствуется в разделе о генетической классификации языков. Отрицание Марром родства языков и праязыков нельзя было обойти, как ряд других компонентов его учения: эти идеи были слишком хорошо известны. В соответствии с Марром отрицается теория праязыка [Шор, Чемоданов 1945: 188–190]. И далее: «Метод сравнительного сопоставления “родственных” языков... не в состоянии вскрыть закономерности доисторического существования языков, так как самая схема языкового развития представлена неверно, односторонне» [Там же: 191]: объясняются явления, унаследованные от прежних состояний, но не инновации. И все-таки генеалогическая классификация языков (представленная в учебнике в обычном своем виде на то время) имеет познавательную и практическую ценность, так как «она выявляет структурные сближения и расхождения между отдельными языками, и показывает, как изменяется старое наследие в языке» [Там же: 191]. И хотя «мифический праязык» не нужен, его реконструкция «полезна для установления параллельных явлений в языках», несмотря на то, что «является гипотетической и лишена всякого исторического основания» [Там же: 192]. Это уже не столько Н.Я. Марр, сколько (в несколько более крайнем варианте) А. Мейе, считавший, что реальность – не в праязыке, а в устанавливаемой лингвистами системе соответствий между известными языками. Точнее, это контаминация идей двух именитых в то время в СССР ученых: праязык одновременно назван мифом (это Марр) и гипотезой (это Мейе), что не одно и то же. А суть концепции Марра, согласно которой языки только сходятся, но не расходятся, обойдена; ее Шор, безусловно, не принимала.

В учебнике упомянуты «гибридные языки» (имеются в виду пиджины), показывающие, «как условна та генеалогическая классификация, которой мы пользуемся» [Шор, Чемоданов 1945: 226], но не сказано о том, что, согласно Марру, гибриды вообще все языки. И, например, про романские языки сказано, как в «буржуазной лингвистике»,

что они ведут начало от народной латыни [Там же: 163], хотя, согласно Марру, они – результат скрещения латыни с галльским, баскским и другими «яфетическими» языками Европы.

Таким образом, авторы учебника (по-видимому, в данном случае Шор) сочетают элементы марризма с критикой компаративистики в духе А. Шлейхера со стороны менее ортодоксальных «буржуазных» ученых, особенно А. Мейе. Марризм при этом сглаживался, а наиболее явно абсурдные его положения вроде всеобщего скрещения обходились. Все это приводило к трудностям. Например, все-таки использовался термин «индоевропейские языки», и надо было определить, что это такое. Генетическое определение все еще считалось одиозным из-за Марра, определение самим Марром этих языков как стадии, через которую проходят все языки мира, Шор не решилась повторить, попытку типологического их определения у Н.С. Трубецкого авторы, очевидно, не знали, и индоевропейские языки определены как «географическое понятие» [Шор, Чемоданов 1945: 162], хотя уже взгляд на карту это не подтверждает.

Эклектика чувствуется и в разделе об истории языкознания [Там же: 256–277]. Он во многом повторяет прежние очерки Шор, но есть некоторые изменения; не знаем, принадлежат ли они Шор или внесены позже соавтором. Во-первых, в духе менявшегося времени заметно больше места уделено русским ученым: появляются не упоминавшиеся Шор ранее А.Х. Востоков и А.А. Шахматов, а роль А.А. Потебни и Ф.Ф. Фортунатова усилена. Во-вторых, сглажены оценки ученых XIX в., например, А. Шлейхера, тогда как критика «буржуазных идеалистов» близкого времени Ф. де Соссюра и А. Мейе сохранена в большей степени. В-третьих, любопытное добавление (его вероятнее, чем два первых, можно приписать самой Шор): появляется Л. Блумфилд, оценки которого неожиданно оказываются довольно высокими: материалист, хотя и механистический [Шор, Чемоданов 1945: 275]. Во всем этом очерке вовсе нет марризма, исключая его конец, где сказано, что единственный выход из кризиса, в котором находится западная наука, предложил Н.Я. Марр, и дается изложение (очень краткое и приглаженное) его учения [Там же: 276–277].

Учебник сразу получил широкую известность. Академик Ю.С. Степанов вспоминал на заседании памяти Шор в 1994 г. в Институте языкознания РАН, как еще школьником долго мечтал прочесть в библиотеке эту книгу и с каким удовольствием ее читал. Но ее век оказался недолгим. Если 1945 г. с точки зрения лингвистических баталий был спокойным, то через два года ситуация изменилась, и учебник вместе с авторами, одного из которых уже давно не было в живых, стал одной из первых мишеней. В декабре 1947 г., в самом начале последнего похода марристов на своих противников, маррист Г.П. Сердюченко нашел в учебнике «низкопоклонство» и «раболепие» перед Западом, в том числе «некритическое повторение» «старой версии» о заслугах Ф. Боппа, В. фон Гумбольдта и прочих немцев при «намеренном игнорировании» истинного создателя языкознания М.В. Ломоносова [ЛГ, 17.12.1947]. Учебник попал в опалу.

Но, как теперь выясняется, в это время работы Шор оказались востребованы неожиданным образом. Уже не раз обсуждался, в том числе автором данной статьи [Алпатов 1991: 185], вопрос об источниках работ И.В. Сталина по языкознанию, но ранее не обращали внимания на один естественный источник, указанный в недавней публикации историка Б.С. Илизарова, основанной на архивных данных. Эта статья содержит много неточностей и натяжек. Достаточно сказать, что Шор названа, «конечно же, представительницей школы Марра» [Илизаров 2003: 130], хотя она просто не могла быть ученицей Марра уже потому, что в ее студенческие и аспирантские годы он не преподавал в Москве, а про ее непростые взаимоотношения со школой Марра сказано выше. Однако анализ подготовительных материалов вождя показывает: он опирался на статьи Шор в БСЭ, особенно [Шор 1931в].

После 1950 г. учебник Р.О. Шор и Н.С. Чемоданова не мог в полной мере использоваться уже из-за имевшихся в нем восхвалений Н.Я. Марра и И.И. Мещанинова (его ответственного редактора). Требовалась переработка книги, которая не произошла. А тем временем ее место в преподавании занял учебник А.А. Реформатского, сходный

по тематике, но более современный и очень ярко написанный, хотя некоторые вопросы (например, история языкознания) у Р.О. Шор и Н.С. Чемоданова изложены лучше. Впрочем, иногда, особенно в провинции, «Шор и Чемоданова» использовали и позже, например, в работах М.М. Бахтина по лингвистике, написанных в Саранске в 50-е – начале 60-х гг., чувствуется знание этой книги, упоминаемой в черновиках Бахтина и ставшей источником информации, например, по «бихевиористской лингвистике» Л. Блумфилда [Алпатов 2005: 313].

Имя Р.О. Шор, как и многих других отечественных лингвистов, мало известно за рубежом, но нам известны два отклика. Е.Н. Шор пишет: «Сохранилась рецензия А. Мейе на ее книгу “Язык и общество” – в конце рецензии он выражает удивление тем, что автор – “une dame”» [Шор 2006: 241]. Мы, к сожалению, не располагаем текстом этой рецензии. А в 1977–1978 гг. в Москве побывал японский лингвист С. Окабэ, занимавшийся темой «Соссюр в СССР»; он работал в библиотеках, встречался с московскими лингвистами и искал людей, знавших Шор. Ему удалось, в частности, установить, что единственная рецензия на первое русское издание «Курса» Соссюра принадлежала Г.К. Данилову и появилась в газете «За коммунистическое просвещение» 24–26.09.1934. Затем он издал статью [Okabe 1979], где, в частности, дается высокая оценка деятельности и работ Шор, особенно учебника 1945 г. Он передает слова о Розалии Осиповне одного из своих московских собеседников, вспомнившего античное изречение: «Любимцы богов умирают молодыми».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- А.Б., И.М., Р.Ш. 1931 – *А.Б., И.М., Р.Ш. Язык* // Большая советская энциклопедия. Т. 65. М., 1931.
- Абаев 2006 – *В.И. Абаев. О «фонетическом законе»* // В.И. Абаев. Статьи по теории и истории языкознания. М., 2006 (первое издание в 1933).
- Алпатов 1991 – *В.М. Алпатов. История одного мифа. Марр и марризм*. М., 1991 (2-е изд. М., 2004).
- Алпатов 2005 – *В.М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика*. М., 2005.
- Алпатов 2009 – *В.М. Алпатов. Н.Я. Марр и народные этимологии* // Вопросы филологии. 2009. № 1.
- Баранкова 1999 – *Г.С. Баранкова. К истории московского лингвистического кружка: Материалы из Рукописного отдела Института русского языка* // Язык, культура, гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. М., 1999.
- Вандриес 1937 – *Ж. Вандриес. Язык*. М., 1937.
- Волошинов 1995 – *В.[Н.] Волошинов. Марксизм и философия языка* // В.[Н.] Волошинов. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995 (первое издание в 1929).
- Дьяконов 1995 – *И.М. Дьяконов. Книга воспоминаний*. СПб., 1995.
- Звегинцев 1960 – *В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях*. 2-е изд. Т. 2. М., 1960.
- Звегинцев 1964 – *В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях*. 3-е изд. Т. 1. М., 1964.
- Илизаров 2003 – *Б.С. Илизаров. Почетный академик Сталин против академика Марра. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 г.* // Новая и новейшая история. 2003. № 4.
- Кузнецов 2003 – *П.С. Кузнецов. Воспоминания* // Московский лингвистический журнал, № 7/1. М., 2003.
- ЛГ – Литературная газета, М.
- Луначарский, Шор 1931 – *А.[В.] Луначарский, Р.[О.] Шор. Диккенс*. М., 1931.
- Мейе 1938 – *А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*. М.; Л., 1938.

- Петерсон 1943 – *М.Н. Петерсон*. Доклад на заседании кафедры русского языка МГПИ 26 ноября 1943 г. // Архив РАН. Ф. 696. Оп. 1. Д. 58. Автограф.
- Пешков 1998 – *И.В. Пешков*. Новый органон // М.М. Бахтин. Тетралогия. М., 1998.
- Плунгян 1999 – *В.[А.] Плунгян*. Почему языки такие разные? М., 1999.
- Поливанов 1991 – *Е.Д. Поливанов*. Стенограмма 4 февраля 1929 г. «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория» // Е.Д. Поливанов. Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991 (первое издание в 1929).
- Против 1932 – Против буржуазной контрабанды в языкознании. Л., 1932.
- Реформатский 1970 – *А.А. Реформатский*. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Сепир 1934 – *Э. Сепир*. Язык. М., 1934.
- Соссюр 1933 – *Ф. де Соссюр*. Курс общей лингвистики. М., 1933.
- Томсен 1938 – *В. Томсен*. История языковедения до конца XIX века. М., 1938.
- Шиллер, Шор 1931 – *Ф. Шиллер, Р. Шор*. Генрих Гейне. М., 1931.
- Шор 1926 – *Р. Шор*. Язык и общество. М., 1926 (два издания). 3-е изд. М., 2009.
- Шор 1927 – *Р.О. Шор*. Кризис современной лингвистики // Яфетический сборник. Вып. V. Л., 1927.
- Шор 1929 – *Р.О. Шор*. [Рец.] *В.[Н.] Волошинов*. Марксизм и философия языка // Русский язык в советской школе. 1929. № 3.
- Шор 1930 – Панчатантра. Индийские рассказы / Пер. с древнеиндийского, предисл. и примеч. *Р.О. Шор*. М., 1930.
- Шор 1931а – *Р.О. Шор*. На путях к марксистской лингвистике. М.; Л., 1931.
- Шор 1931б – *Р.О. Шор*. Неотложная задача (К построению марксистской философии языка) // Русский язык в советской школе. 1931. № 1.
- Шор 1931в – *Р.О. Шор*. Языковедение // Большая советская энциклопедия. Т. 65. М., 1931.
- Шор 1936 – Литература средних веков [IX–XV вв.] / Сост. проф. *Р.О. Шор*. М., 1936. (2-е изд. М., 1938)
- Шор 1937 – *Р.О. Шор*. Предисловие // *Ж. Вандриес*. Язык. М., 1937.
- Шор 1938 – *Р.О. Шор*. Краткий очерк истории лингвистических учений с эпохи Возрождения до конца XIX в. // *В. Томсен*. История языковедения до конца XIX века. М., 1938.
- Шор 1939 – Двадцать пять рассказов Веталы / Пер. с санскрита, ст. и коммент. *Р.О. Шор*. М., 1939.
- Шор 2006 – *Е.Н. Шор*. Стоило ли родиться... М., 2006.
- Шор, Чемоданов 1935 – *Р.О. Шор, Н.С. Чемоданов* (при участии *В.М. Жирмунского*). Комментарии // *Ф. Энгельс*. Франкский диалект. М., 1935.
- Шор, Чемоданов 1945 – *Р.О. Шор, Н.С. Чемоданов*. Введение в языковедение. М., 1945.
- Okabe 1979 – *Okabe Shoichi*. Saussure in the Soviet Union (Translators and commentators) // *Jinbun-kagaku-ronshuu. Shinshuu-daigaku-jinbungakubu*. №13. Matsumoto, 1979.